

Независимая газ. — 1994. — 28 окт. — с. 7.

ВЕНЕЦ НА ТРОИХ

Вдогонку Шнитке-фестивалю

Вадим Журавлев

УВЫ...

ЭТОТ ФЕСТИВАЛЬ провести бы лет эдак десять назад! И все было бы по-другому. Заинтригованные зрители штурмовали бы Большой зал Московской консерватории. Сам Альфред Шнитке сидел бы в ложе для почетных гостей и внимал своим «обожателям», а провести бы фестивальные действа смогли и без участия нагловатых коммерческих банков...

Но Шнитке-фестиваль проходил в этом году, а потому... Без особого ажиотажа. Большой композитор не отважился на далекое путешествие из Гамбурга в Москву, и в финале Анне Чеховой пришлось зачитывать телефонограмму жены юбиляра, где падежи и лица перепутались. Да и вообще остался осадок: не слишком ли поздно отъехали в России провести фестиваль главного «авангардиста»? Ну и, наконец, спонсоры так навязчиво требовали упоминания о себе во всех (!) статьях, что вызвали недоумение (не с того «купоны стрижете», господа банкиры).

Московские слушатели же были заинтригованы финалом необычного монофестиваля. Участие всепопулярнейшего Мстислава Ростроповича привлекло на фестивальное шоу даже ту часть публики, которая вряд ли отличит музыку Шнитке от птичьего гомона в парке. Но даже его участие не вызвало в первом отделении финального концерта горячих откликов в зале. Истощенные крики «браво» год назад, во время гастролей Национального оркестра США, обрушившиеся на Ростроповича-дирижера, на этот раз раздавались лишь из уст стайки малолетних учеников музыкальных школ, для которых Ростропович остается легендой.

Большая же часть зала оставалась холодной и скучала в ожидании мировой премьеры. Хотя Второй виолончельный концерт

Шнитке в исполнении Ростроповича и Российского национального симфонического оркестра под управлением Михаила Плетнева явил и великого виолончелиста-интерпретатора (концерт посвящен именно ему), и ставшее известным, но не потерявшее от этого своей гениальности произведение. Муза Шнитке — трагедия. Сказать это — значит не сказать ничего. В ней как будто сплелись вся чернота и беспросветность российского бытия, непростая судьба «русских» немцев и тяжкие годы официального отторжения композитора. Отсутствие русских интонаций, всегда присущих композиторам отечественной школы, суровость шопенгауэровского пессимизма, идущая от немецкой культуры, более близкой Шнитке. Шнитке в эти дни не раз называли «классиком». Но так ли это? Его музыка, несмотря на то что композитору, как никому другому в наши дни, удается синтезировать классику и музыку новую, всегда была слишком сложной для отечественных поклонников музыки «ясной». Для почитателей авангарда всех направлений (Булез? Штокхаузен? Лигети?) Шнитке же остается слишком «простава-тым». Но главное, как у манновского «Доктора Фаустуса» — композитора Адриана Леверкюна, — музыка эта все время заставляет ловить себя на мысли, что написана она «головой», а не «душой». Ее рассудочность, порой механистическая, мощная, порой гениальная, впитавшая и тщательно переработавшая шестидесятилетний опыт обид и унижений, постижение глубин человеческого существования, всегда была камнем преткновения в восприятии музыки Шнитке русскими слушателями (что для русских важнее души!), а для музыкантов, музыковедов делала ее предсказуемой.

«Какой же это грех?» — вопрошает читатель. Да и нет его, вот только популярность, на которую безусловно наложил отпечаток ореол «мученика» (ко-

мпозитора считают наиболее исполняемым в мире), все быстрее ускользает в пустоту, оставшуюся после «железного занавеса». И пойдет ли завтра в Москве слушатель на Второй концерт для виолончели с оркестром в исполнении молодых музыкантов? Просто чтобы послушать эту музыку?

Но вернемся к концерту, поставившему точку в двухнедельном музыкальном марафоне, выдержать который смогли не-

Альфред Шнитке.

многие. Ростропович, с присущей ему отрешенностью и гениальной техникой, смог преодолеть холодную рассудочность Друга-композитора, но публика, отличавшаяся от посетителей всех предыдущих концертов из-за существенной разницы в ценах на билеты, этого не очень заметила. Все ждали «Концерта для троих».

Мировая премьера произведения со сложным названием «Концерт на троих» (поставит Ростропович), вплоть до этого момента именованного «Концертом для троих» (вроде неудобно именовать главное событие фестиваля, используя предлог, столь часто употреблявшийся в других местах «массового скопления населения»), подогревала интерес публики, да и средства массовой информации торопились назвать

ее «главным событием» вообще. Даже коллеги мои из «НГ» потопропились. Ей предшествовала сцена «Бала» из «Ревизской сказки» Шнитке (не путать с ревизионистской: Гоголь всегда был ближе российскому «Фаусту») больше классиков марксизма-ленинизма) в исполнении оркестра, которая настроила зал на более доброжелательный лад. Ожидаемый эпилог из балета «Пер Гюнт» вряд ли бы это сделал: слишком сложно! Потом долго убрали и расставляли заново стулья. Ну наконец-то! Мстислав Ростропович и группа виолончелей и контрабасов исполняют первую часть концерта. Их сменяют Юрий Башмет и альти. Третья часть — Гидон Кремер и скрипки оркестра. Финал — читатель уже догадался — zusammen (вместе). В финале еще одна задумка постановщика: Михаил Плетнев (тоже пригласился) прерывает авторское многоголосье внезапным ударом предплечья по роялю. Аплодисменты, экстаз и... недоумение. Кажется, совсем не в духе Шнитке писать «юбилейные» описи, завершая фестиваль неким дружеским «капустником», перечеркнувшим всю серьезную работу разом. Пишу «описи», ведь на бис еще одна мировая премьера — менуэт для трех солистов. С тем же успехом. И сразу уходят в тень и сам фестиваль, и более значительные премьеры, к примеру Сонаты для скрипки и фортепиано в исполнении Марка Лубоцкого и жены композитора Ирины Катаевой-Шнитке. Повторю свой вопрос: без участия троих «шоуменов» прозвучит ли когда-нибудь этот опус со сцены? Без громких имен он превратится в заурядное произведение.

Конеч — делу венец, писал классик. А классики всегда правы. Задумаемся, прежде чем назвать Альфреда Шнитке «живым классиком». Задумаемся, прежде чем назвать кого-либо классиком. Для этого в России сейчас маловато быть «диссидентом» или «шестидесятником». Надо перестать существовать с ней (с Россией) в параллельных мирах.